

ТРУДЫ КАФЕДРЫ
ИСТОРИИ РОССИИ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО XX ВЕКА

ТОМ
III

НАТАЛЪЯ ИВАНОВНА ЯКОВКИНА

Фото конца 1960-х — начала 1970-х гг.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ТРУДЫ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ РОССИИ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО XX ВЕКА

Издается с 2006 г.

Том III

КАФЕДРА ИСТОРИИ РОССИИ
И СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА

*Посвящается
Наталье Ивановне Яковкиной*

ББК 63.3(2)

К30

Редакционная коллегия: д-р ист. наук Ю. Г. Алексеев (зам. отв. ред.),
М. С. Белоусов, д-р ист. наук А. Ю. Дворниченко (отв. ред.),
д-р ист. наук В. К. Зиборов, д-р ист. наук П. А. Кротов, канд.
филол. наук Н. И. Милютенко, д-р ист. наук И. Б. Михайлова,
канд. ист. наук Е. А. Ростовцев (отв. секретарь), д-р ист. наук
М. Ф. Флоринский (зам. отв. ред.)

Рецензенты: д-р ист. наук Д. Н. Альшиц (С.-Петербург. гос. ун-т культуры
и искусств); д-р ист. наук С. Г. Кащенко (С.-Петербург. гос. ун-т)

Печатается по постановлению

Ученого совета

исторического факультета

С.-Петербургского государственного университета

**Кафедра истории России и современная отечественная
К30 историческая наука** / отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб.:
Издательский Дом Санкт-Петербургского государственного
университета, 2012. — 644 с. (Труды кафедры истории России
с древнейших времен до XX века. Т. III)

ISBN 978-5-288-05264-4

В третьем томе Трудов кафедры истории России представлены науч-
ные работы как сотрудников и аспирантов кафедры, так и выпускников
разных лет. Статьи сборника демонстрирует широту и многообразие ис-
следовательских интересов, научных школ в области русской истории,
связанных с деятельностью кафедры истории России с древнейших вре-
мен до XX в. исторического факультета Санкт-Петербургского государ-
ственного университета. Издается к юбилею научной и педагогической
деятельности старейшего сотрудника кафедры — кандидата исторических
наук, доцента Натальи Ивановны Яковкиной.

Для всех интересующихся историей России.

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-288-05264-4

© Коллектив авторов, 2012
© С.-Петербургский
государственный
университет, 2012

преведенны и которые не преведенны: преведенны убо по чипу книг написанны напред, не преведенны еже положихом того ради zde яко в предословии книги сея явихом вины о том там да размотрится прилежно о сем». В упомянутом предисловии Курбский объясняет необходимость новых переводов невысоким качеством прежних переводов и необходимостью отличать подлинные сочинения Златоуста от подложных. Таким образом, одной из целей помещения в «Новый Маргарит» «Каталокгуса» было стремление отделить произведения, написанные самим Златоустом, от приписываемых ему²⁸. «Каталокгус» представляет собой по сути указатель сочинений — некую основу для работы по созданию свода переводов сочинений Иоанна Златоуста. Несомненно, сама идея текстологической критики и переводческая программа Курбского сформировались под влиянием ряда факторов, и трудно представить себе воплощение идеи «Нового Маргарита» и перевод оглавления латинского издания для образца в Московской Руси третьей четверти XVI в. Надо полагать, схожие задачи ставил перед собой и Евфимий.

Издательская и переводческая программа Евфимия — тема для отдельного исследования. При самом беглом обзоре очевидно, что несмотря на значительное количество трудов по чудовскому иноку, его наследие, в том числе и библиографические работы, нуждаются в дальнейшем изучении и публикации в полном объеме.

²⁸ См.: Гладкий А. И., Цеханович А. А. Курбский Андрей Михайлович // СККДР. Л., 1988. Вып. 2, ч. 1. С. 499.

1911 ГОД В ЖИЗНИ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ КОРПОРАЦИИ (ВЛАСТЬ И ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)*

1911 г. вошел в историографию как столичного университета, так и высшей школы в целом как кризисный, связанный с разгромом «университетской автономии». В связи с этим деятельность министра народного просвещения Л. А. Кассо всегда рисуется в литературе «черными» красками¹, причем этот историографический дискурс формировался еще с дореволюционных времен, будучи связан с позицией политических оппонентов министра². При этом особо одиозные черты министр приобрел после обретения статуса «классика» его известным политическим противником, который не стеснялся называть Министерство Народного Просвещения (МНП) эпохи Л. А. Кассо «министерством народного затмения», «министерством полицейского сыска, глумления над молодежью, надругательством

* Статья подготовлена при поддержке Тематического плана НИР СПбГУ (тема «История Санкт-Петербургского университета в контексте и истории Российского государства и общества, № 5.38.51.2011).

¹ *Пешников В. В.* В. И. Ленин и студенческое движение в России. М., 1973. С. 71–77; *Аврех А. Я.* Царизм и IV Дума. М., 1981. С. 61; *Яковлев В. П.* Политика русского самодержавия в университетском вопросе. 1905–1911 гг.: дис. ... канд. ист. наук Л., 1971. С. 4, 184–201; *Лейберов А. И.* Борьба большевиков за руководство революционным студенческим движением в Петрограде в период Первой мировой войны и Февральской буржуазно-демократической революции (июль 1914 — февраль 1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Л., 1981. С. 30–31; *Олесич П. Я.* В. И. Ленин и революционное студенчество в России. М., 1982. С. 189 и др. Ср. работы постсоветского времени, напр.: *Каганович Б. С.* Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995. С. 20; *Романов Ю. В.* Наука и власть: наследие Л. А. Кассо // Труды научной конференции студентов и аспирантов «Ломоносов-99». История. М., 1999. С. 76–80. Показательно в то же время, что в новейшей литературе встречаются более взвешенные оценки деятельности этого министра (см.: *Змев В. А.* Эволюция высшей школы Российской империи. М., 1998. С. 198–199).

² См.: Кризис высшей школы. М., 1911; *Вернадский В. И.* 1911 год в истории русской умственной культуры. [СПб.], 1911; *Кожевников Г.* Проклятый вопрос (к современному положению университета). М., 1911 и др.; Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания: в 2 т. СПб., 2003. Т. 1: Рассказы в стенографической записи. Кн. 1. С. 513. Кн. 2. С. 589, 725, 877 и др. См. также, например, созданные в эмиграции воспоминания П. Н. Милукова: *Милуков П. Н.* Воспоминания: в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 56–57.

© Е. А. Ростовцев, 2011

над народным стремлением к знанию»³. В настоящей статье мы попытаемся показать, насколько обоснован этот взгляд и каковы на деле природа и последствия кризиса 1911 г. для корпорации столичного университета.

На пути к кризису: борьба за «университетскую автономию» (1905–1911 гг.)

Прежде всего стоит напомнить, что в это время с *юридической* точки зрения автономия столичного университета, как и других университетов Империи, носила весьма ограниченный характер, основываясь на Университетском уставе 1884 г.⁴, Временных правилах 27 августа 1905 г.⁵ и Сенатском указе министру народного просвещения от 28 ноября 1908 г.⁶ Внутри университетской корпорации основным органом принятия решений был Профессорский (университетский) совет, который обладал правом свободного выбора членов университетской корпорации (профессора, приват-доцента, а после выхода «Временных правил» также ректора, проректора, декана), однако МНП было вправе не утвердить выбор университета, заместить по своему усмотрению любую университетскую магистратуру, навязать свои решения университету. Нельзя, однако, сказать, что подобная ситуация отвечала настроениям и идейным устремлениям университетской элиты. Университеты виделись ее подавляющему большинству скорее как общественные, чем государственные организации. Задача университетов предполагалась не столько в решении утилитарных запросов государства и общества, сколько в «просвещении» граждан; вмешательство государства в университетскую жизнь представлялось излишним и даже недопустимым. При этом *фактически* профессорские советы уже имели решающее значение для определения всего хода внутренней жизни

³ Ленин В. И. К вопросу о политике министерства народного просвещения // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 23. М., 1980. С. 128, 135.

⁴ Устав Императорских Российских университетов 1884 г. // Сборник постановлений министерства народного Просвещения. СПб., 1893. Т. IX: Царствование императора Александра III. 1884 год. Стлб. 985–1026.

⁵ Временные правила об управлении университетами // ПСЗ. Собр. III. Т. XXV. Отд. I. С. 658–659.

⁶ Указ Сената министру народного просвещения 28 ноября 1908 г. // Право. 1908. 7 декабря. Стлб. 2738–2739.

университетов. На практике вмешательство МНП во внутреннюю жизнь университетов носило весьма ограниченный характер: случаи неутверждения избранных университетскими корпорациями должностных лиц были единичными (в столичном университете с 1884 по 1911 г. это произошло лишь единожды)⁷. Таким образом, фактическая автономия университетов была несравненно шире юридической. Любое вмешательство министерства (несмотря на его формально-юридическую обоснованность) в то, что профессура считала своей нераздельной компетенцией, встречало предельно жесткий отпор университетской корпорации.

При рассмотрении истории борьбы университетов за «автономию» необходимо также учитывать, что в основе противостояния власти и университетов начала XX в. лежали давние либеральные традиции русского университетского образования. Таким образом, проблема университетской автономии имела в русском обществе значение, далеко выходящее за пределы высшей школы; само понятие автономии университета в России было неразрывно связано с русским освободительным движением⁸. При этом в отношениях власти и преподавательской корпорации всегда присутствовало еще одно активное действующее лицо — студенчество, позиция которого, впрочем, определялась не столько корпоративными интересами, сколько влиянием на него определенных политических сил. Как известно, студенчество столичного университета с начала революции 1905–1907 гг. находилось в значительной степени под контролем радикальных (социалистических) политических сил — социал-демократов и эсеров, которые явно доминировали в среде социально активных студентов, участвовавших в политических сходках, и, следовательно, имели ведущие позиции в формируемых там органах студенческого

⁷ См., напр.: [Тихонов И. Л.] Борьба за автономию // 275 лет. Санкт-Петербургский государственный университет / сост. Г. Л. Соболев, И. Л. Тихонов, Г. А. Тишкин; под ред. Л. А. Вербицкой. Летопись 1724–1999. СПб., 1999. С. 201.

⁸ См., напр.: Иванов А. Е. Профессорско-преподавательский корпус высшей школы России конца XIX–начала XX в. // История СССР. 1990. № 5. С. 64–66; Kaszow S. D. Students, Professors and the State in Tsarist Russia. Berkeley, 1989. P. 214–219; Johnson P. W. Taming Student Radicalism: The Educational Policy of I. D. Delianov // Russian Review. 1974. Vol. 33, No 3 (Jul.). P. 259.

самоуправления⁹. Преподавательской корпорации в этих условиях приходилось отстаивать свои интересы, лавируя между властью и оппозиционным студенчеством. Попытаемся схематично рассмотреть, как эта политика строилась, при этом, по нашему мнению, в период 1905–1915 гг. ее можно условно разделить на три этапа.

На *первом этапе* (январь — октябрь 1905 г.) Совет университета вполне осознанно принял серию мер, превративших университет, по словам генерал-губернатора Петербурга Д.Ф.Трепова, в арену «дерзкой и безнаказанной пропаганды революционных идей». Примечательно, что в этот период решения Совета университета (или его своеобразного президиума — Советской комиссии) в ряде случаев прямо корреспондировались с решениями Совета студенческих старост, находившегося под контролем социалистических сил. Совет старост, в частности, организовывал проведения революционных манифестаций в стенах университета, которые к осени 1905 г., после их официального разрешения Советской комиссией, приняли общегородской характер. Университетские профессора не только поощряли это студенческое движение, но и сами приняли активное участие в деятельности либеральной оппозиции (сначала Академического союза и Союза союзов), а затем (с октября 1905 г.) — кадетской партии. Во многом благодаря их позиции в качестве неотъемлемой части либеральной программы демократических преобразований был выдвинут лозунг «автономии высшей школы». Позиция Совета столичного университета сыграла не последнюю роль в достижении университетами принципиальной уступки со стороны МНП и верховной власти — указа 27 августа 1905 г. о введении в действие новых правил управления университетами, предоставлявших профессорским советам фактическую автономию. Таким образом, первый выделенный нами этап политической стратегии Университета условно можно было бы охарактеризовать словами «революция на службе корпорации»¹⁰.

⁹ См.: Гусятников П. С. Революционное студенческое движение в России. 1899–1907. М., 1971. С. 118–137; Энгель Г. А. 1905 г. и студенческое движение в Петербурге // Ленинградский университет в воспоминаниях современников: в 3 т. Т. II: Петербургский–Ленинградский университет. 1895–1917 / под ред. В. В. Мавродина. Л., 1982. С. 79; Бондаревская Т. П. Большевицкая организация университета в революции 1905–1907 гг. // Петербургский университет и революционное движение в России. Л., 1979. С. 67–80 и др.

¹⁰ См. подробнее: Ростовцев Е. А. Профессорская коллегия столичного университета в 1905: «революция» на службе «корпорации» // Санкт-Петербургский

Второй этап хронологически уместно определить с октября 1905 г. по июнь 1907 г. В октябре 1905 г. МНП возглавляет граф И. И. Толстой, активный сторонник идеи университетской автономии, в лице которого корпорация находит деятельного союзника; первоначально политику И. И. Толстого продолжает и его преемник на посту министра, П. М. фон Кауфман. Примечательно, что в этот период университетский Совет пытается использовать министерство и его директивы для борьбы со студенческим самоуправлением, которое вызывало беспокойство официальных университетских властей не столько радикальным характером тех политических сил, которые его контролировали, сколько притязаниями на контроль над важнейшими сферами жизни университета (прием студентов, распределение стипендий и т. п.). Для оценки второго этапа, таким образом, больше подходят слова «министерство на службе корпорации». Таким образом, в ходе революции 1905–1907 гг. был сформирован механизм управления университетом, в своей основе существовавший до 1918 г.: до общих заседаний Совета проходили собрания «левой группы» профессоров, заранее намечавшие все принципиальные решения (в том числе кадровые), в октябре 1905 г. была также официально создана «Советская комиссия», которая принимала вместе с ректором решения о текущей жизни высшего учебного заведения и подготавливала решения Профессорского совета. Кроме деканов, входивших в комиссию по должности, в ее состав рейтинговым голосованием Совет избирал еще восьмерых членов, чем окончательно закреплялось господство «левой группы» в университете. Таким образом, не вызывает сомнений, что в послереволюционную эпоху роль профессорской корпорации стала определяющей для всего хода университетской жизни¹¹.

Вскоре после 3-июньского переворота 1907 г. министр народного просвещения П. М. фон Кауфман и подчиненные ему попечители учебных округов в аспекте нового политического курса издают ряд «охра-

университет XIX — начала XX века: европейские традиции и российский контекст. Материалы междунар. науч. конф. 23–25 июня 2009 г. СПб., 2010. С. 162–179.

¹¹ *Ростовцев Е. А.* «Борьба за автономию»: корпорация столичного университета и власть в 1905–1914 гг. // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2009. Vol. 2. P. 75–90. Ср.: *Яковлев В. П.*: 1) Петербургский университет в революции 1905–1907 гг. // *Вестник Ленингр. гос. ун-та*. 1980. № 2. История, языковедение, литература. Вып. 1. С. 19–25.

нительных» циркуляров, связанных со стремлением оградить университеты от политически неблагонадежных лиц, женщин и евреев, и начинается, с точки зрения нашей периодизации, самый длительный по времени *третий этап* политики профессуры по отношению к министерской власти (1907–1915 гг.; окончание министерства П. М. фон Кауфмана, министерства А. Н. Шварца и Л. А. Кассо). В этот период шло активное наступление министерства на университетскую «автономию» и настоящая «война» между ним и Профессорским советом — «война», в которой использовались все средства — юридические, полицейские, административные. Особенно сложными для преподавательской корпорации выдались в этом смысле кризисы 1908, 1910 гг., в ходе которых корпорация вынуждена была «сдавать позиции» в борьбе с министерством. Так, Профессорскому совету не удалось отстоять систему студенческого самоуправления, которое он пытался использовать в качестве инструмента для контроля над ситуацией в студенческой среде¹², и его влияние в ней существенно ослабло. Действительно, преподавательская корпорация подвергалась в этот период давлению со стороны как революционно-настроенного студенчества, так и власти, и пыталась лавировать между ними. На этом этапе очевидно незавидное положение корпорации «между министерством и революцией»¹³. Вероятно, поэтому в литературе, связанной с историей кризиса 1911 г., профессорская коллегия зачастую выступает в роли статиста в борьбе между реакционным правительством и революционным движением¹⁴. Складыванию такого стереотипа не в последнюю очередь способствовало

¹² О подготовке «Правил 11 июня», на основании которых было запрещено общестуденческое представительство, и об их значении в университетской жизни см.: Яковлев В. П. Самодержавие и российские университеты в годы реакции (1907–1911) // Вестник Ленингр. гос. ун-та. 1972. № 8. История, языковедение, литература. Вып. 2. С. 42–43; Савельева В. Г. Положение совета министров 11 июня 1907 г. // ВИД. Л., 1974. Т. 6. С. 283–294.

¹³ Ростовцев Е. А. «Борьба за автономию»... Р. 90–103. Ср.: Савельева В. Г. Положение совета министров... С. 283–294; Яковлев В. П. Самодержавие и российские университеты... С. 42–50.

¹⁴ Круглова З. С. Студенческая забастовка 1911 г. и ее политическое значение // Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской. История СССР. М., 1964. Вып. 8. Т. СХХХV; Савельева В. Г., Яковлев В. П. Студенческая забастовка 1911 г. и Петербургский университет // Вестник Ленингр. ун-та. 1983. № 2. История, языковедение, литература. Вып. 1. С. 14–19; Лейкина-Свирская В. Р. Из истории борьбы Петербургского университета с министерством Кассо // Вестник Ленингр. ун-та. 1947. № 4.

и то обстоятельство, что исследователями в весьма незначительной степени использовался основной источник для характеристики позиции профессорской коллегии — протоколы заседаний Университетского совета. В настоящей статье будет осуществлена попытка «выбраться» из этого «историографического туннеля» и предложить собственный взгляд на историю кризиса 1911 г.

Кто виноват? (начало кризиса)

Прежде всего обратим внимание на то, что в литературе не всегда учитывалась та непростая обстановка, в которой Л. А. Кассо занял министерское кресло. Напомним, что отставка его предшественника А. Н. Шварца и назначение Д. А. Кассо на должность министра в сентябре 1910 г. состоялись после того, как одновременно с неудачами МНП в Государственной Думе (прежде всего в проведении нового университетского устава) явным провалом закончилась и попытка бывшего министра установить действенный контроль над столичным университетом¹⁵. Интересно, что в этих условиях Л. А. Кассо начал свою деятельность не с прямой конфронтации с профессорскими коллегиями, а как раз с отзыва из Думы непопулярного в профессорских кругах законопроекта нового университетского устава¹⁶ и созыва «частного» собрания профессоров университетов, проходившее с 16 по 18 декабря 1910 г. и вновь обсуждавшего будущий проект устава¹⁷, несмотря на протесты по этому поводу консервативной профессуры¹⁸. Позитивное впечатление на профессорское сообщество должна была произвести и замена товарища министра Г. К. Ульянова (у которого в «эпоху А. Н. Шварца» сложились конфликтные отношения со столичной университетской коллегией) на бывшего профессора Петербургского университета В. Т. Шевякова, пользовавшегося уважением коллег¹⁹.

¹⁵ Ср.: *Ascher Abraham. P. A. Stolypin: The Search for Stability in Late Imperial Russia. Palo Alto (CA); Stanford, 2001. P. 246–247.*

¹⁶ *Ронн А. Н. Что сделала 3-я Государственная Дума для народного образования. СПб., 1912. С. 200.*

¹⁷ *Воробьева Ю. С. Общественность и высшая школа в России в начале XX века. М., 1994. С. 35. Ср.: Толстой И. И. Дневник. 1906–1917. СПб., 1997. С. 347–348.*

¹⁸ *Kassow S. D. Students, Professors and the State... P. 347.*

¹⁹ См. показательное в этом смысле письмо проф. С. Ф. Платонова гр. С. Д. Шереметеву (С. Ф. Платонов — С. Д. Шереметеву. 26 декабря 1910 г.

В связи с этим следует учитывать, что началом «новой бури» можно считать отнюдь не действия министерства, а сходку студенчества по случаю смерти известного кадетского деятеля профессора С. А. Муромцева, официально разрешенную ректором и происшедшую в октябре 1910 г.²⁰, в президиуме которой, как ни странно, наряду с либералами оказались также представители революционных партий. Сходка, в которой участвовали около тысячи человек приняла резолюцию, где «выражалась уверенность, что будут борцы, борцы-носители все еще не осуществившихся народных желаний, возлагавшихся на русскую революцию»²¹. После грандиозных похорон С. А. Муромцева, в которых участвовала и «делегация» Петербургского университета, в ноябре 1910 г. вскоре появился повод для новых сходок и траурных демонстраций — 7 ноября 1910 г. — кончина Л. Н. Толстого²². За их организацией стояли вполне определенные политические силы. В директиве большевистского центра, адресованной петербургским большевикам, работавшим со студенчеством, указывалось: «несомненно, смерть Толстого создаст настроение. Необходимо его использовать. Бросьте лозунг — “долой палачей”»²³. Власть тоже это хорошо понимала — Л. А. Кассо еще накануне смерти Л. Н. Толстого указал попечителям учебных округов на необходимость предупреждения обсуждения вопросов «противоправительственного и противоцерковного характера», которые могут начаться на собраниях «в связи с возможной смертью Л. Н. Толстого»²⁴.

Чествование памяти Л. Н. Толстого радикальными организациями петербургского университета облегчалось еще и тем, что оппозиционный власти писатель был избран почетным членом Университетского совета за два года до своей кончины (в разгар университет-

// Академик С. Ф. Платонов. Переписка с историками: в 2 т. Т. 1. М., 2003. С. 143).

²⁰ К кончине С. А. Муромцева // Речь. 1910. 7 (20) октября. № 304. С. 3. Ср.: Савельева В. Г., Яковлев В. П. Студенческая забастовка 1911 г... С. 15.

²¹ Цит. по: Письмо тов. министра внутренних дел П. Г. Курлова упр. МНП Л. А. Кассо, 13 октября 1910 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 168. Л. 106.

²² В высших учебных заведениях // Речь. 1910. 9 (22) ноября. № 306. С. 3; В Петербурге // Русские ведомости. 1910. 9 ноября. № 258. С. 4.

²³ Цит. по: Олещич Н. Я. В. И. Ленин и революционное студенчество в России. С. 187

²⁴ Шифрованная телеграмма министра народного просвещения попечителям учебных округов от 7 ноября 1910 г. // РГИА. Ф. 1733. Оп. 201. Д. 205. Л. 2.

ского кризиса 1908 г.)²⁵. Первая сходка собралась уже 7 ноября в день смерти писателя, но носила немногочисленный характер²⁶. Возможности для проведения более масштабной сходки появились после того, как Советская комиссия в «знак траура по почетном члене Университета Л. Н. Толстом» постановила отменить на следующий день в университете все занятия и «если бы студенты Университета пожелали: устроить собрание — таковое разрешить»²⁷. Одновременно проректор И. Д. Андреев обратился с просьбой к университетскому священнику В. Г. Рождественскому отслужить в церкви панихиду, что последний решительно отказался делать²⁸, что без сомнения способствовало оппозиционному настрою участников предстоящей сходки. Сходка 8 ноября, которая имела грандиозный характер (участвовали 3–4 тыс. человек), приняла резолюцию, прославляющую ушедшего писателя не столько как художника слова, сколько как борца с «светским и церковным официальным миром», оставившего «нам вечную память о своей борьбе с неправдой современного социального уклада позорным явлением русской жизни — смертной казнью»²⁹. Сходка завершилась антиправительственной демонстрацией и столкновениями с полицией, подробно описанными в протоколе Совета университета со слов ректора и проректора, которые пытались успокоить студентов³⁰. Совет, выслушав это сообщение ректора и проректора, выразил полную поддержку их «в высшей степени целесообразным и тактичным действиям» и ... постановил

²⁵ Протокол заседания Совета СПб. университета. 3 сентября 1908 г. // Протоколы заседаний совета Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908. СПб., 1909, № 64. С. 158.

²⁶ *Борисенко М. В.* Студенчество Петербурга в 1907–1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук. [П. II]. Л., 1984. Приложения. Приложение III: Революционные и демократические выступления студентов Петербурга в 1907–1914 гг. [Хроника]. С. 59.

²⁷ Протокол заседания Совета Императорского СПб. Университета. 8 ноября 1910 г. // Протоколы заседаний совета Императорского С.-Петербургского университета за 1910 г. СПб., 1911, № 66. С. 136.

²⁸ Тов. министра внутренних дел П. Г. Курлов — упр. МНП Л. А. Кассо, 30 ноября 1911 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 168. Л. 20.

²⁹ Цит по: История Ленинградского университета....176. Ср.: *Малкин Б. Г., Батулин-Виноградов М. М.* Петр Васильевич Дашкевич // *Петербургский университет и революционное движение в России.* С. 170.

³⁰ Протокол заседания Совета Императорского СПб. Университета. 8 ноября 1910 г. С. 136–138.

«на 9 ноября, день погребения тела графа Льва Николаевича Толстого, чтение лекций отменить», что дало возможность в этот день представителям землячеств и Организационного комитета университета провести новую массовую «траурную демонстрацию» под лозунгами протеста против смертной казни³¹; по приводившимся в литературе данным в ней приняли участие около 3 тыс. человек³². Каждая демонстрация сопровождалась столкновениями с полицией, что не останавливало, а скорее подогревало толпу³³. 11 ноября на Васильевском острове состоялась траурная студенческая демонстрация под аналогичными лозунгами, в которой по некоторым оценкам приняли участие также около 3 тыс. человек³⁴, еще более масштабная демонстрация (примерно 10 тыс. человек — студентов и рабочих) прошла в этот день на Невском проспекте³⁵. Демонстрация была разогнана полицией, новая массовая сходка (2 тыс. человек), организованная социал-демократами и эсерами, прошла в университете 12 ноября³⁶, очередная сходка — на следующий день³⁷. Как отмечалось в литературе, Петербургский университет стал, таким образом, центром общественного движения в столице, связанного со смертью Л. Н. Толстого³⁸.

30 ноября следует новая студенческая сходка по очередному поводу — самоубийства политзаключенных в Зерентуйской тюрьме³⁹. На последнюю сходку нагрянула полиция и арестовала 10 человек⁴⁰. Репрессии, однако, только усиливали революционный настрой

³¹ Савельева В. Г., Яковлев В. П. Студенческая забастовка в 1911 г. ... С. 15.

³² Олесич Н. Я. В. И. Ленин и революционное студенчество в России. С. 187; Мейлах Б. С. Уход и смерть Льва Толстого. М., 1979. С. 323.

³³ См., напр.: Телеграф и телефон (По телефону от наших корреспондентов) // Русские ведомости. 1910. 10 ноября. № 259. С. 2; У великой могилы // Речь. 1910. 10 (23) ноября. № 309. С. 2; К кончине Толстого // Речь. 1910. 11 (24 ноября). № 310. С. 3.

³⁴ История Ленинградского университета. ... С. 176.

³⁵ Сходки и манифестации // Русские ведомости. 1910. 12 ноября. № 261. С. 2.

³⁶ Сходки и манифестации // Русские ведомости. 1910. 13 ноября. № 262. С. 2. Ср.: Борисенко М. В. Студенчество Петербурга в 1907–1914 гг.: дис. ... С. 63.

³⁷ Мейлах Б. С. Уход и смерть Льва Толстого. С. 328.

³⁸ Там же. С. 324.

³⁹ Савельева В. Г., Яковлев В. П. Студенческая забастовка в 1911 г. ... С. 14–15.

⁴⁰ В высших учебных заведениях // Речь. 1910. 3 (16) декабря. С. 3.

студенчества: уже следующая сходка, состоявшаяся 3 декабря и собравшая около 2500 человек, обсуждала вопрос о всероссийской студенческой забастовке⁴¹. Только после этой последней сходки произошло *первое* столкновение администрации университета с новым главой МНП, причиной чего было длительное пребывание на сходке проректора. Как отмечается в протоколах Профессорского совета, «до этого дня действия университетской администрации одобрялись министерством, а этот день вызвал нарекания и главным образом на действия проректора, за его продолжительное пребывание на сходке [на которой проректор убеждал студентов разойтись] <...> Ректору пришлось высказать г. Управляющему Министерством, что в подобных случаях невозможно давать никаких определенных директив, как следует действовать, ибо ясна может быть только одна цель сохранение университета»⁴².

Еще более подогрели протестные настроения студенчества кровавые события 8 декабря в Новороссийском университете, когда в результате столкновения с академистами от случайной пули погиб один из левых студентов: в результате клуб академистов на Лесном проспекте подвергся настоящему разгрому (выбиты стекла, двери вымазаны дегтем), а 31 декабря клуб и вовсе сожгли⁴³.

Таким образом, начавшиеся как «траурные», студенческие демонстрации быстро приняли характер масштабных антиправительственных манифестаций. Признак нового революционного подъема в этом движении увидели и лидеры радикалов (тем более, что они во многом за ним и стояли). В. И. Ленин, характеризуя студенческие выступления, заявлял в «Рабочей газете» в декабре 1910 г.: «Пролетариат начал. Демократическая молодежь продолжает. Русский народ просыпается к новой борьбе, идет навстречу новой революции»⁴⁴. Правые также увидели в них прелюдию надвигающейся революции и призвали премьер-министра к более активным действиям и исключению из высших учебных заведений студентов, участвовавших

⁴¹ Савельева В. Г., Яковлев В. П. Студенческая забастовка в 1911 г. ... С. 15.

⁴² Протокол заседания Совета СПб. университета. 17 января 1911 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. СПб., 1913. № 67. С. 11.

⁴³ Яковлев В. П. Политика русского самодержавия... С. 187.

⁴⁴ Ленин В. И. Начало демонстраций // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 20. М., 1961. С. 75. См. также статью В. И. Ленина «Не начало ли поворота» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 1–3).

в забастовке⁴⁵. Газета «Русское знамя» заявляла, например, о том, что необходимо «перестать смотреть на современное студенчество, как на учащуюся молодежь наивную неведомо, что творящую, хватит с ними церемониться»⁴⁶, одновременно, впрочем, указывая, что «профессура снова начала вырабатывать из вверенной ее обучению молодежи пушечное мясо»⁴⁷. Вестник Союза русского народа также обвинил в происходящем и министра народного просвещения, отметив, что как только он «взял обратно законопроект о реорганизации университетов, так и начались в университетах революционные бесчинства и преступные “манифестации”»⁴⁸. Таким образом, с одной стороны, вплоть до начала 1911 г. в политическом дискурсе как крайне правых, так и крайне левых высшая школа представлялась очагом новой революции, с другой, новый министр оказался в глазах правых наряду с либеральной профессурой в числе ее вольных или невольных пособников.

В этой ситуации будущее отношений между министром и высшей школой во многом зависело от позиции профессуры.

Несмотря на то что студенческое движение традиционно рассматривалось либеральной профессурой и как инструмент «борьбы за автономию» и как элемент политической борьбы за переустройство общества, готовности начинать масштабную политическую битву в союзе с левыми партиями у университетских коллегий в конце 1910 г. явно не было. В этой ситуации в отличие от «левых» и «правых» либералы демонстрируют явную растерянность, что выразилось как в благожелательно настороженным по отношению к демонстрантам поведением профессоров, так и в смешанной реакции на их деятельность со стороны как Университетского совета⁴⁹, так и руководства кадетской партии⁵⁰. На совещании думской

⁴⁵ См., напр.: *Ascher Abraham. P. A. Stolypin...* P. 248.

⁴⁶ Цит. по: *Завадский Н. Г.* Студенческое движение и политические партии России в конце XIX — начале XX века: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2000. С. 251.

⁴⁷ *Скорее разогнать // Русское знамя.* 1910. 19 ноября. № 261. С. 1.

⁴⁸ *А. Б. Почему не стреляли // Русское знамя.* 1910. 20 ноября. № 262. С. 2.

⁴⁹ См.: *Протокол заседания Совета СПб. университета.* 8 ноября 1910 г. С. 135–138; *Протокол заседания Совета СПб. университета.* 17 января 1911 г. С. 4–7.

⁵⁰ С одной стороны, было принято воззвание 37 членов Государственной Думы (частью членов кадетской партии), опубликованное в «Речи» (1910. 11 ноября), где предполагаемая студенческая демонстрация объявлялась «вредной»

фракции конституционно-демократической партии с провинциальными членами партии, проходившем в Петербурге 8–9 мая 1911 г., П. Н. Милюков, отвечая «петербургским студентам» и объясняя «пешности» в позиции ЦК относительно студенческих демонстраций, проходивших в 1910/1911 учебном году, заявил, что им надо действовать самостоятельно и, «раз им приходится существовать... в условиях неконституционных, пусть каждый их них несет ответственность на себе»⁵¹. Иначе говоря, руководство кадетской партии давало понять студенческим организациям, что оно предоставляет им свободу действий, за которые нести ответственности не хочет. Одновременно начиная с ноября 1910 г. П. Н. Милюков выступал с патетическими заявлениями, из которых было понятно, что пропагандируемая кадетами реформа высшей школы может быть осуществлена только с изменением государственного строя («Свободный университет может быть только в свободной стране!»)⁵². Таким образом, можно констатировать, что кадеты вновь, как и в годы первой русской революции, видели в университетах центр освободительного движения, однако по тактическим соображениям пока не готовы были бросать в бой свое главное оружие — «профессорские корпорации»⁵³, тем более, что борющиеся с кадетами за влияние на профессию октябристы активно пропагандировали идею о том, что

и «нежелательной». После же того как демонстрация состоялась, она была охарактеризована позитивно, причем в той же «Речи» в передовице, составленной П. Н. Милюковым (1910, 12 ноября). В результате студенческая группа конституционалистов-демократов в университете оказалась дезориентированной относительно того, какую позицию ей следует занимать по отношению к забастовкам (см.: Протоколы совещания думской фракции конституционно-демократической партии с провинциальными членами партии 8–9 мая 1911 г. // Съезды и конференции конституционно-демократической партии, 1905–1920 гг.: в 3 т. Т. 2. М., 2000. С. 304–307). Ср.: *Яковлев В. П.* Политика русского самодержавия... С. 193–194.

⁵¹ Там же. С. 308–309.

⁵² См.: *Воробьева Ю. С.* Общественность и высшая школа... С. 40–41.

⁵³ Как разъяснял студентам член ЦК проф. Ф. Ф. Кокошкин: «Левые признают забастовку своим обычным оружием, а для нас это положение немислимо ни по составу партии, ни по взглядам. Как бы мы могли рекомендовать студентам забастовки и демонстрации, не идя с ними на улицу. Если бы мы пришли к сознанию необходимости забастовки, к решению пожертвовать университетами, прежде всего мы должны были бы обратиться к профессорам, а не к студентам. Но это могло бы быть в случаях совершенно исключительных, как исторические октябрьские дни» (Протоколы совещания думской фракции конституционно-

«высшие учебные заведения не должны быть ни местом, ни орудием политической борьбы, а призваны служить исключительно делу духовного развития и высшего научного образования молодежи»⁵⁴, одновременно отстаивая при этом идею о неприкосновенности университетской автономии⁵⁵. Между тем об усталости профессоров от периодических забастовок свидетельствуют их высказывания. В качестве примера можно, например, привести горестные слова известного историка академика М. А. Дьяконова, написанные им как раз в декабре 1910 г.: «Ведь мы в буквальном смысле слова как загнанные клячи, которых и справа и слева бьют. Вот тут и уйди от политики. Это можно сделать, только бросив преподавательскую деятельность. А это дело сложное и нелегкое. А пока стоишь преподавателем, надо и лекции читать, практические занятия вести, тетрадки читать и экзаменовывать. Вы [письмо адресовано московскому историку С. Б. Веселовскому] этих прелестей вполне еще не испытываете, потому Вам и трудно судить о нашей упряжке. Вон нынче во время забастовки с обструкцией пришлось грудью защищать двери аудиторий от расходившихся башибузуков»⁵⁶.

Можно сказать, что в условиях кризиса конца 1910 г. для Л. А. Кассо с очевидностью настал момент выбора — продолжение диалога с профессурой на ее языке или попытка навязать ей иную модель отношений с властью. Разумеется, что выбор в пользу второго варианта был предопределен рядом факторов (давление правых, позиция премьера, двойственное поведение университетских коллегий во время недавних демонстраций), однако в то же время власти, вероятно, казалось, что видимая усталость профессуры от «башибузуков» благоприятствовала активным действиям МНП по наведению порядка в вузах. В результате «ответом» Л. А. Кассо (и стоявшего за многими его действиями П. А. Столыпина⁵⁷) на антиправительствен-

демократической партии с провинциальными членами партии 8–9 мая 1911 г. С. 311).

⁵⁴ Декларация ЦК от 11 февраля 1911 г. // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций, заседаний ЦК, 1905–1915: в 2 т. М., 2000. С. 318.

⁵⁵ См.: Воробьева Ю. С. Общественность и высшая школа... С. 37–38.

⁵⁶ М. А. Дьяконов — С. Б. Веселовскому. 27 декабря 1910 г. // Переписка С. Б. Веселовского с отечественными историками / сост. Л. Г. Дубинская и А. М. Дубровский. М., 2001. С. 117.

⁵⁷ О воздействии П. А. Столыпина на политику Л. А. Кассо см., напр.: Сивельева В. Г., Яковлев В. П. Студенческая забастовка 1922 г. С. 15–16.

ные акции в высшей школе стала подготовка ряда репрессивных документов правительства и министерства, изданных в конце 1910–начале 1911 г.⁵⁸ Смысл их заключался прежде всего в возложении на руководство университетов и профессорские коллегии «всей тяжести ответственности» (согласно постановлению Совета министров от 11 января 1911 г.)⁵⁹ за возможные беспорядки в высшей школе и в запрете всех студенческих собраний (исключая собрания научного и учебного характера) в высшей школе.

Студенчество отреагировало на правительственные новеллы предсказуемо и незамедлительно: уже 14 января «Правление землячеств СПб. университета» организовало сходку — распространялось воззвание к студентам с призывом защитить университетскую автономию от министерских посягательств⁶⁰. Сходки в университете с аналогичными воззваниями продолжились и в последующие дни — 15 и 16 января⁶¹.

В то же время меры, предпринятые Л. А. Кассо, крайне негативно были оценены и преподавательским сообществом высшей школы, в том числе и в профессорской среде Петербургского университета. Реагируя на правительственные циркуляры, ректор Д. Д. Гримм в своем заявлении, сделанном в заседании Профессорского совета 17 января 1911 г., подчеркнул, что «нормальный ход учебной жизни не может быть

⁵⁸ Распоряжение Совета министров о временном запрещении собраний в стенах высших учебных заведений // Правительственный вестник. 1910. 10 декабря; О надзоре за учащимися высших учебных заведений // ЖМНП. 1911. № 3–4. Правительственные распоряжения. С. 38–40; О временном недопущении публичных и частных студенческих собраний в стенах высших учебных заведений // Там же. С. 41–43; О максимальном сроке пребывания студентов Императорских университетов на факультетах // Там же. С. 43–44; Об установлении действительного контроля за посещением лекций и практических занятий студентами, пользующимися стипендиями // ЖМНП. 1911. № 5–6. Правительственные распоряжения. С. 41; [О сроках пребывания в университете] // Там же. С. 55; Об условиях допущения евреев к экзаменам в качестве экстернов // Там же. С. 55–56; [О свидетельствах о благонадежности] // Там же. С. 56–57; Об урегулировании порядка прохождения университетского курса и производства испытаний полукурсовых и окончательных в испытательных комиссиях // Там же. С. 57–58 и др.

⁵⁹ О временном недопущении публичных и частных студенческих собраний... С. 43.

⁶⁰ *Завадский Н. Г.* Студенческое движение и политические партии России... С. 238; ср: *Борисенко М. В.* Студенчество Петербурга в 1907–1914 гг. ... С. 157.

⁶¹ *Борисенко М. В.* Студенчество Петербурга в 1907–1914 гг. ... Приложение III... С. 68–69.

построен на полицейских мерах», что требовать принятия их от Совета нельзя, что сами эти меры свидетельствуют о недоверии к Совету и его органам. Своим постановлением Совет единогласно выразил полную солидарность с заявлением ректора и просил его довести это заявление как мнение всего Совета до сведения министра Л. А. Кассо⁶². Причина столь резкого заявления Профессорского совета заключалась в том, что упомянутым правительственным постановлением профессорским коллегиям навязывалась политическая роль правительственных агентов, что в корне противоречило их традиционным представлениям об «автономии». После таких заявлений и у нового министра, вероятно, разрушились и всякие надежды на профессорскую лояльность, если таковые еще и оставались.

Следует также учитывать, что, с точки зрения МНП (вероятно, справедливой), упомянутое заявление Совета университета (аналогичные заявления делались и советами других высших учебных заведений) могло способствовать собственно началу студенческих беспорядков, проходивших с 20-х чисел января 1911 г. Вдохновленный этими профессорскими заявлениями 23 января 1911 г. Петербургский городской студенческий коалиционный комитет принял решение о забастовке под вполне либеральными лозунгами: «Долой политический произвол! Требуем неприкосновенности личности, свободы слова, союзов, собраний!... Требуем автономии высшей школы!»⁶³. Впрочем, радикализм принятого тогда же бюро коалиционного комитета воззвания «Долой полицейский режим!» не давал повода усомниться в ее истинно революционном характере⁶⁴. Решение Комитета о забастовке поддержала и университетская студенческая сходка, состоявшаяся 26 января⁶⁵. Согласно данным М. В. Борисенко, по результатам проведенного Коалиционным комитетом референдума по вопросу о забастовке «за» высказалось примерно 90% из принявших участие (2500 человек)⁶⁶, или примерно 23,5%

⁶² Протокол заседания Совета СПб. университета. 17 января 1911 г. С. 15–17.

⁶³ Цит. по: *Круглова З. С.* Студенческая забастовка 1911 г. ... С. 35.

⁶⁴ Забастовка в высших учебных заведениях // *Новое время*. 1911. 27 января (9-го февраля). № 12528. С. 5–6.

⁶⁵ *Яковлев В. П.* Политика русского самодержавия... С. 190.

⁶⁶ *Борисенко М. В.* Студенчество Петербурга в 1907–1914 гг.: дис. Приложение II. Таблица 11. Итоги референдума по вопросу о забастовке в высших учебных заведениях Петербурга в конце января — начале февраля 1911 г. С. 17. В. В. Пешников называл другую цифру участников сходки—3000 человек (*Пешников В. В.*

от общего числа университетских студентов. Однако, разумеется, в глазах голосовавших данное обстоятельство результатов их волеизъявления ничуть не обесценивало. После сходки 26 января ситуация в университете стала неуправляемой — радикальные студенты начали активную забастовку, т.е. препятствовать различными способами проведению занятий⁶⁷: вламывались в аудитории с криком «Бастуй, товарищи!», разливали сернистый водород и пр.⁶⁸

Кульминация кризиса (январь–февраль 1911 г.)

Поскольку, по мнению министерства, профессорские советы со своей задачей поддержания порядка не справились (и, более того, как видно на примере Петербургского университета, отказались брать ее выполнение на себя), а незаконные сходки в высших учебных заведениях продолжались, на территорию университетов были введены полицейские силы (без согласования с университетскими администрациями) и произведены массовые аресты студентов, принявших участие в забастовках.⁶⁹ Однако эти репрессии провоцировали новые протесты и демонстрации, которые, в свою очередь, порождали новые репрессии. Такая же ситуация сложилась и в других высших учебных заведениях — в результате власть не просто ввела в их стены полицейские силы, но и попыталась наладить учебный процесс в условиях подобной «оккупации».

Как известно, в Московском университете возмущение профессоров этим положением переросло в масштабный конфликт с министерством, в ходе которого ушли в отставку или были уволены около 130 сотрудников университета, в том числе около 30 профессоров и около 80 приват-доцентов⁷⁰. В определенной степени такая резкая

В.И. Ленин и студенческое движение в России. С. 73), в то же время источники из противного лагеря, напротив — несколько меньшую — 2 тыс. (см., напр.: Из дневников князя В. П. Мещерского // Русское знамя. 1911. 1 февраля. № 25. С. 3).

⁶⁷ В высших учебных заведениях // Речь. 1911. 27 января (19 февраля). № 26. С. 3.

⁶⁸ См., напр.: Муций. Из мрака студенческой жизни // Русское знамя. 1911. 29 января. № 23. С. 3.

⁶⁹ См.: Яковлев В. П. Самодержавие и российские университеты... С. 47–48.

⁷⁰ См., напр.: Савельева В. Г., Яковлев В. П. Студенческая забастовка 1911 г. ... С. 17–18; Высшее образование в России. Очерк истории до 1917 г. / под ред. В. Г. Кинелева. М., 1995. С. 116. Ср.: Яковлев В. П. Политика царского правительства в университетском вопросе (1905–1910) // Вестник Ленингр. ун-та. 1969. № 2. Вып. 1. С. 164.

реакция московской профессорской корпорации была вынужденной — многие ее представители входили в руководство кадетской партии и не могли в сложившихся условиях оставаться на своих должностях, не дискредитируя партию⁷¹. В этом смысле столичной профессуре было проще занять более взвешенную позицию — вместо прямого разрыва с правительством. Профессорский совет, сплотившийся вокруг ректора, выбрал иную тактику — пассивного сопротивления давлению министерства. Накануне неизбежного ввода в университет полиции Советская комиссия сперва попыталась закрыть университет⁷², причем, согласно протоколу Совета, составленному не без скрытого злорадства, министр «узнал о закрытии университета из газет» и «недовольным тоном заявил Ректору, что он не ожидал подобной меры <...> и что он пришлет предложение об открытии университета»⁷³. Л. А. Кассо действительно распорядился открыть университет 29 января, однако это распоряжение выполнено не было, поскольку «в течение присутственных часов циркуляр этот университетской администрацией не был получен»⁷⁴, между тем на 30 января приходилось воскресенье. Таким образом, в итоге Профессорский совет получил передышку на три дня, в ходе которой смог заранее сформулировать свою позицию — ее смысл заключался в том, что «придется переломить себя и сделать попытку читать лекции, несмотря на присутствие в университете полиции», одновременно «стремясь по долгу совести смягчать меры» правительства, с которыми университет не согласен⁷⁵. Одновременно Профессорский совет решил продолжить переговоры на уровне как

⁷¹ Ср.: *Ермолаев Ю. Н.* Ректор Московского университета М. К. Любавский // Академик М. К. Любавский и Московский университет. М., 2005. С. 160–163.

⁷² Ректор подписал решение об этом вечером 27 января (см.: Ректор — Попечителю С.-Петербургского учебного округа, 27 января 1911 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10475. Л. 22).

⁷³ Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 29 января 1911 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. ... С. 39–40. См.: Попечитель — ректору С.-Петербургского университета // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10475. Л. 23–23об.

⁷⁴ В высших учебных заведениях // Речь. 1911. 29 января (11 февраля). С. 5.

⁷⁵ Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 29 января 1911 г. С. 42; Постановление Совета Императорского С.-Петербургского университета // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10475. Л. 74.

министерства, так и Совета министров⁷⁶ (последнее обстоятельство также вызвало видимое раздражение Л. А. Кассо⁷⁷) и принял обращение к студентам прекратить забастовку во имя «вечных и непреложных интересов науки», предупредив учащихся, что в противном случае «неотразимым станет вмешательство посторонней для университета власти, на действия которой Совет никакого влияния оказать не может»⁷⁸. На частных совещаниях профессоров («левой группы») рассматривался вопрос о необходимости выступления в связи с отставкой администрации Московского университета, однако, узнав, что отставка не только принята, но «отставленные» отстранены также и от должности профессоров, «левая» решила воздержаться от выражения официального протеста⁷⁹. Впрочем, отказавшись от идеи собственной коллективной отставки, группа из 35 петербургских профессоров (включая ректора и проректора) послала сочувственную телеграмму уволенным профессорам из администрации Московского университета — А. А. Мануйлову, М. А. Мензбиру и П. А. Минакову — «стойким борцам за право, за науку, за университет»⁸⁰.

Таким образом, «переломившие себя» профессора и приват-доценты 31 января явились в университет читать лекции, здание которого с утра уже было занято полицией. Это «преломление» действительно требовало определенного мужества, поскольку Коалиционный комитет, недовольный решением профессоров, поспешил заклеить их как «трусов и лицемеров» и направил им открытое письмо, в котором указывал: «Вы можете и не быть с нами, но быть против нас не имеете права. Нам и не нужна ваша лицемерная, трусливая помощь. Но не мешайте нам в нашей борьбе за лучшие формы жизни, где слово “гражданин” не будет вызывать грустной улыбки, где студенчество сможет спокойно учиться, а ваше высокое

⁷⁶ Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 29 января 1911 г. С. 44.

⁷⁷ Протокол заседания Совета СПб. университета. 31 января 1911 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г.... С. 46–47.

⁷⁸ Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 29 января 1911 г. С. 43.

⁷⁹ Лейкина-Свицкая В. Р. Из истории борьбы Петербургского университета... С. 152.

⁸⁰ В высших учебных заведениях // Речь. 1911. 11 (24) февраля. С. 4.

звание охраняться не штыками и городовыми, а всеобщим уважением», «знайте, что честное студенчество или будет вас освистывать и устраивать вам обструкции или сидеть в тюрьмах»⁸¹. Ряд университетских преподавателей (в том числе «левых»), заходя в аудиторию, подверглись прямым оскорблениям со стороны студенчества⁸². Впрочем, ряд профессоров вскоре от чтения лекций в таких условиях отказался. Например, А. А. Шахматов официально уведомил декана Историко-филологического университета о том, что прекращает хождение в университет и не берет вознаграждения за чтение лекций, «пока хозяином в университете не окажется Совет и ректор»⁸³. Аналогичную позицию занял другой академик — профессор физико-математического факультета А. А. Марков, вовсе отказавшийся читать в университете лекции после правительственного постановления 11 января⁸⁴.

Присутствие полиции не помешало студентам устраивать «обструкции» — всего в этот день было арестовано 410 человек⁸⁵; ситуация не изменилась и на следующий день — 1 февраля⁸⁶. В прокатской газете «Русские ведомости» яркими красками описывалась ситуация, сложившаяся в университете: «Присутствие большого количества полицейских со штыками и винтовками вдоль длинных коридоров университета, профессора с группой студентов, конвоируемые вооруженными городовыми на лекции, городовые

⁸¹ Открытое письмо Коалиционного Комитета СПб университета к профессуре СПб университета, 5 февраля 1911 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 168. Л. 30. Отпечатанное литографическим способом это письмо распространялось среди адресатов-профессоров (см., напр., архив С. Ф. Платонова — ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 110. Л. 69).

⁸² *Ананьич Б. В. И. И. Толстой и петербургское общество накануне революции.* СПб., 2007. С. 109.

⁸³ Цит. по: *Лейкина-Свирская В. Р.* Из истории борьбы Петербургского университета... С. 153.

⁸⁴ *История Ленинградского университета.* ... С. 177.

⁸⁵ Список студентов и вольнослушателей арестованных в С.-Петербургском университете 31 января 1911 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 207. Л. 36–41об.; Протокол заседания Совета СПб. университета. 31 января 1911 г. С. 49; ср.: *Яковлев В. П.* Политика русского самодержавия... С. 190; *Борисенко М. В.* Студенчество Петербурга в 1907–1914 гг. ... Приложение III... С. 73

⁸⁶ Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 1 февраля 1911 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. ... С. 58–63.

с ружьями, охраняющие аудитории, где читаются лекции, свист, крики и пение революционных песен, пары удушливого газа, распространяющихся в коридорах и аудиториях — все это представляет собой такую картину, какую еще стены Петербургского университета не видели»⁸⁷. Профессора подвергались не только словесным оскорблениям со стороны разгневанной молодежи, но и «физическому воздействию». Так, в профессора М. Я. Пергамента была брошена банка с «черной пахнущей жидкостью»⁸⁸. Один из студентов нанес оскорбление действием заслуженному профессору И. А. Ивановскому, подкараулив последнего у аудитории, он по окончании лекции профессора ударил его по лицу, после чего попытался скрыться, но был задержан полицией⁸⁹. При этом очевидно, что аресты полицией производились без большого разбора — скопом. Об этом свидетельствует, например, то, что 31 января в числе прочих были задержаны несколько членов «Академической корпорации» (освобожденные из под ареста по установлению этого обстоятельства)⁹⁰. Ожесточению полиции могли способствовать и действия студентов, которые практиковали «химические обструкции» не только против лекций, но и против «полицейских нарядов». Однако, как с гордостью повествует о деятельности своих подчиненных товарищ министра внутренних дел П. Г. Курлов, эти атаки были отражены «своевременным применением полицией заранее заготовленного нашатырного спирата»⁹¹. Естественно, что многие профессора такой батальной обстановки не выдерживали — с Н. Я. Марром случился истерический припадок⁹², А. А. Жижиленко упал в глубокий обмо-

⁸⁷ В высших учебных заведениях // Русские ведомости. 1911. 1 февраля. № 25. С. 3. Ср.: *Лейкина-Свицкая В. Р.* Из истории борьбы Петербургского университета... С. 152. Ср.: *Муций.* Из мрака студенческой жизни // Русское знамя. 1911. 2 февраля. № 26. С. 3; В высших учебных заведениях // Речь. 1911. 1 (14) февраля. № 31. С. 4.

⁸⁸ В высших учебных заведениях // Речь. 1911. 2 (15) февраля. № 32. С. 4

⁸⁹ Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 1 февраля 1911 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. ... С. 61.

⁹⁰ Тов. министра внутренних дел [П. Г. Курлов] — Л. А. Кассо // РГИА. Ф. 733. 1910 г. Оп. 201. Д. 207. Л. 42.

⁹¹ Тов. Министра внутренних дел [П. Г. Курлов] — Л. А. Кассо // РГИА. Ф. 733. 1910 г. Оп. 201. Д. 207. Л. 35об., 42.

⁹² Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 1 февраля 1911 г. ... С. 61.

рок⁹³, а ректор Д. Д. Гримм просто заплакал и не смог читать лекцию⁹⁴. Попечитель граф А. А. Мусин-Пушкин в отчаянии предложил уволить из университета всех студентов⁹⁵.

В то же время верховная власть вполне оценила твердость Л. А. Кассо — 2 февраля он был официально назначен из управляющих ведомством министром народного просвещения. Одновременно в газете «Новое время» были опубликованы ответы Л. А. Кассо на вопросы ее корреспондента. В этом интервью министр заявил, что предыдущий устав не требует коренного пересмотра, поскольку «дополненный Высочайшим указом от 27 августа он может прекрасно функционировать»⁹⁶. Министр при этом выразил уверенность, что «студенты, которые не хотят работать и мешают другим заниматься, будут удалены из высших учебных заведений» и отметил, что «меры, принимавшиеся с целью предупредить забастовку и обеспечить возможность учиться желающим, ни в каком отношении не затрагивают университетского самоуправления. Не знаю, почему у нас, говоря об университетском самоуправлении употребляют термин автономия <...> Указом 27 августа профессорским коллегиям было даровано право принимать те или иные меры для обеспечения правильного течения академической жизни. Университетские советы и университетские администрации этим правом не воспользовались. Принять меры к прекращению беспорядков являлось обязанностью правительства. Никакого нарушения автономии не происходило, если не понимать под словом автономия “свободу студентов безнаказанно производить беспорядки”»⁹⁷. Таким образом, несмотря на внешнюю резкость ряда положений «интервью», Л. А. Кассо вновь обозначил рамки для диалога с профессорскими коллегиями. Тем временем тактика профессоров, посылавших в министерство одну «депутацию» за другой с протестом против присутствия в университете полиции, начала приносить плоды — Л. А. Кассо согласился удалить полицию «из главного коридора, с тем, чтобы

⁹³ Там же. С. 59.

⁹⁴ Там же. С. 59–60. Ср.: *Ананьич Б. В. И. И. Толстой и петербургское общество...* С. 109–110.

⁹⁵ *Савельева В. Г., Яковлев В. П. Студенческая забастовка 1911 г...* С. 15.

⁹⁶ Беседа с министром народного просвещения // *Новое время*. 1911. 2 (15) февраля. № 12534. С. 5.

⁹⁷ Там же. С. 5–6.

ей были предоставлены некоторые помещения в главном здании университета»⁹⁸, что и было сделано 3 февраля после согласования этого решения с министерством внутренних дел⁹⁹. Делегаты Профессорского совета непрерывно «внушали» правительственным чиновникам, что прекратить забастовку может только сам Совет. Вероятно, под влиянием московских событий (с 3 февраля началась массовая компания отставок в Московском университете)¹⁰⁰ МНП было готово с большим пониманием отнестись к предложениям петербургских профессоров — по крайней мере прокадетская «Речь» трактовала его позицию именно в этом смысле¹⁰¹. В то же время обструкции продолжаются и 3 февраля — ставя многих профессоров на грань нервного срыва — так, по сообщению прессы в этот день на 7 минут раньше лекцию закончил брат ректора проф. Э. Д. Grimm и «покинув аудиторию, заплакал»¹⁰². 4 февраля Д. Д. Grimm в качестве члена Государственного Совета имел частную беседу с председателем правительства П. А. Столыпиным, в которой настаивал, чтобы полиция без соглашения с ним не вводилась в коридор¹⁰³. Хотя премьер и не дал определенного ответа, в дальнейшем это правило неукоснительно соблюдалось. На следующий день после беседы с ректором (5 февраля) премьер принимает студентов-академистов, пытаясь лично разобраться в происходящем в университете¹⁰⁴. Здесь следует отметить, что П. А. Столыпин, будучи несомненно сторонником жесткой политики в отношении наведения «порядка» в университетах, в то же время по-видимому питал особое чувство к своей alma mater¹⁰⁵, в критические моменты вступая в прямой диалог с профессорской коллегией, которая, в свою очередь, не была на-

⁹⁸ Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 2 февраля 1911 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. ... С. 65.

⁹⁹ Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 7 февраля 1911 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. ... С. 70.

¹⁰⁰ См., напр.: *Борисенко М. В.* Студенчество Петербурга в 1907–1914 гг. ... С. 75.

¹⁰¹ В высших учебных заведениях // Речь. 1911. 3 (16 февраля). № 33. С. 3.

¹⁰² В высших учебных заведениях // Речь. 1911. 4 (17 февраля). № 34. С. 4.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ *Яковлев В. П.* Политика русского самодержавия... С. 196.

¹⁰⁵ Не без помощи премьера в 1911 г. в университете открывается музей Д. И. Менделеева (бывшего, кстати, университетским учителем П. А. Столыпина).

строена по отношению к премьеру так враждебно, как к его министрам просвещения¹⁰⁶.

Таким образом, создалась ситуация, когда полицейские силы и профессора действительно в полном смысле слова сотрудничали хотя и поневоле¹⁰⁷ — в условиях полицейских репрессий кадеты провели среди студентов решение о ликвидации забастовки¹⁰⁸. В результате обструкции пошли на убыль¹⁰⁹, параллельно уменьшалось и количество полицейских в университете¹¹⁰, при этом ректор многократно возбуждал вопрос о выводе полиции из университета, добившись своего к началу мая¹¹¹. В то же время большинству Совета удавалось гасить и радикальные предложения, возникавшие в профессорской среде. Так, 28 февраля 1911 г. А. А. Шахматов обратился с заявлением к Совету университета¹¹², в котором решительно настаивал на немедленном уходе полиции, признавая ее присутствие допустимым в здании университета только в том случае, если она находится в здании по распоряжению ректора, а также на том, чтобы правительство разрешило Профессорскому совету объявить студентам о том, что «участь исключенных и сосланных их товарищей будет смягчена, как только студенчество приступит к занятиям»¹¹³. Однако профессора уговорили А. А. Шахматова не вносить заявление

на); см., напр.: *Ендольцев Ю. А. П. А. Столыпин в Петербурге // Журнал Санкт-Петербургский университет. 2007. № 3.*

¹⁰⁶ В этом смысле показателен и факт выражения соболезнования вдове премьеры О. Б. Столыпиной, выраженного Советом в сентябре 1911 г. после теракта в Киеве, оборвавшего жизнь председателя правительства.

¹⁰⁷ В частности, профессора по просьбе проректора И. Д. Андреева «находились в коридоре» (!), т. е., по существу, *патрулировали* его, чтобы не допустить сходки, которая бы вызвала беспорядки (Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 2 февраля 1911 г. С. 67.)

¹⁰⁸ *Савельева В. Г., Яковлев В. П.* Студенческая забастовка 1911 г. ... С. 18.

¹⁰⁹ Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 16 февраля 1911 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. ... С. 82–85.

¹¹⁰ Протокол заседания Совета СПб. университета. 14 марта 1911 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. ... С. 87.

¹¹¹ Протокол заседания Совета СПб. университета. 16 мая 1911 г. // Там же. С. 104–105.

¹¹² [Заявление А. А. Шахматова, 28 февраля 1911 г.] В Совет Императорского С.-Петербургского университета // СПФ АРАН Ф. 143. Оп. 1. Д. 252. Л. 5.

¹¹³ Там же.

в Совет официально, поскольку в уводе полиции Совету может быть отказано и, тогда, по словам одного из оппонентов академика профессора И. А. Покровского, «ректор и профессура будут морально обязаны уйти в отставку, начнется развал университета»; «Так Вы этого хотите Ал[ексей] Ал[ександрович]?»¹¹⁴. В результате коллективного обсуждения вопроса на Советской комиссии А. А. Шахматов уступил с горечью: «меня сильно раздражило все это заседание. Неужели я не мог встретить иль чьего-либо сочувствия и чьей ли поддержки?»¹¹⁵.

Последствия кризиса

В результате «мероприятий», проведенных полицией, из Петербургского университета оказалось исключено 511 человек (5,3% от общего числа)¹¹⁶, некоторые из которых, как показало расследование, в действительности были невиновны в беспорядках (или

¹¹⁴ [Запись А. А. Шахматова о заседании Советской комиссии 9 марта 1911 г. 10 марта 1911 г.] // СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 1. Д. 252. Л. 9об. Ср.: *Лейкина-Свирская В. Р.* Из истории борьбы Петербургского университета... С. 156; *Робинсон М. А.* Шахматов и студенческие волнения в Петербургском университете в 1911 году // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1971. Т. 30, вып. 2. С. 151–157.

¹¹⁵ [Запись А. А. Шахматова о заседании Советской комиссии 9 марта 1911 г. 10 марта 1911 г.] // СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 1. Д. 252. Л. 10.

¹¹⁶ В литературе приводятся разные цифры на этот счет: от 1500 человек (*Лейкина-Свирская В. Р.* Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М., 1981. С. 31; *Завадский Н. Г.* Студенческое движение и политические партии России... С. 239.) до 392 (в очерке Н. Г. Сладкевича и В. А. Овсянкина в кн.: *История Ленинградского университета...* С. 176), что отчасти объясняется различными показаниями источников (см.: *Справка о числе студентов и слушателей, исключенных из высших учебных заведений ведомства МНП по 11 февраля с. г. [1911]* // РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 206. Л. 23; *Список лиц, исключенных из высших учебных заведений С.-Петербургского учебного округа* РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 207. Л. 63–69об.; *Список лиц, исключенных из высших учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения* // РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 206. Л. 111–119; *Сведения о числе студентов, уволенных из высших учебных заведений за участие в последних беспорядках* // РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 206. Л. 187 и др.). Мы, вероятно, вслед за В. Г. Савельевой и В. П. Яковлевым (*Савельева В. Г., Яковлев В. П.* Студенческая забастовка 1911 г. ... С. 19) опирались на Список студентов исключенных, обратно принятых и допущенных к испытанию в качестве экстернов по 16 декабря с. г. [1911] (РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 206. Л. 167), поскольку он составлен с учетом исправлений чиновниками министерства разного рода ошибок, сопровождавших начальные подсчеты.

доказать их вину не представлялось возможным). Пользуясь этим обстоятельством, с самого момента исключения Университетский совет (по инициативе того же А. А. Шахматова¹¹⁷) в массовом порядке подает ходатайства о восстановлении уволенных студентов¹¹⁸. Л. А. Кассо чувствовал, что Совет столичного университета «переигрывает» его на бюрократическом поле, при этом периодически действуя «через голову министра», что вызывало его чиновничье возмущение. Поэтому неудивительно, что в ответ на просьбу профессоров министр в резкой форме заявил, что «Совет, совершенно, по-видимому, не интересуясь необходимой выработкой действительных мер для установления надзора за учащимися и предупреждения беспорядков, в то же время озабочен лишь скорейшим дозволением студенческих сходок и возвращением в университет лиц, уволенных за беспорядки»¹¹⁹, и восстанавливать уволенных студентов категорически отказался¹²⁰. Кроме всего прочего, эта мера означала сильнейший удар по бюджету высшего учебного заведения. Особенно неприемлемо для университетской корпорации позиция министерства выглядела в сочетании с его требованиями о сокращении предельного срока обучения в университете, сокращении периода отсрочки от воинской повинности и об ограничении принципа «предметной системы» обязательностью получения ряда зачетов по ходу прохождения курса (для зачета текущих полугодий), что также вело к значительному сокращению количества студентов и финансирования университета, в том числе «содержания личного состава»¹²¹. Между тем

¹¹⁷ Лейкина-Свирская В. Р. Из истории борьбы Петербургского университета... С. 156.

¹¹⁸ Протокол заседания Совета СПб. университета. 14 марта 1911 г. С. 90; Протокол заседания Совета СПб. университета. 16 мая 1911 г. С. 107–108. Как установила полиция, для 76% исключенных студентов (т. е. 276 человек из 348 подавших к маю 1911 г. прошения об обратном приеме) «не встречается препятствий» к восстановлению (см.: Протокол заседания Совета СПб. университета. 12 сентября 1911 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. ... С. 146).

¹¹⁹ Министр народного просвещения — попечителю СПб. Учебного округа. 27 июня 1911 г. № 20932 [Приложение 1 к протоколу заседания Совета СПб. университета 12 сентября 1911 г.] // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. ... С. 152–153.

¹²⁰ Ср.: Толстой И. И. Дневник. 1906–1917. С. 370.

¹²¹ По примерным подсчетам в результате политики министерства, направленной на ограничение числа студентов и исключения по политическим мотивам

Совет максимально использовал как бюрократические и правовые, так общественные возможности для дискредитации министра¹²². Самым обидным для Л. А. Кассо все же было то, что на практике многие распоряжения министерства по-прежнему игнорировались, а Совет продолжал публично полемизировать с министром¹²³. В конце концов, Совету удалось добиться своего и из уволенных 511 человек обратно в университет было принято на разных условиях 449 человек (к 1913 г.), т. е. 87,86% от числа исключенных¹²⁴. В то же время упомянутые выше меры министра, регулирующие порядок прохождения университетского курса, значительно увеличили процент «отсева» студентов с 871 (10%) в 1910 г. до 1548 (20,8%) в 1914 г.¹²⁵

Для характеристики атмосферы жизни университета вскоре после учиненного Л. А. Кассо «разгрома» характерно описание публичного докторского диспута приват-доцента Е. В. Тарле, известного

вам, объем «сбора за слушание лекций» сократился с 1909 по 1912 г. на 70 тыс. рублей (с 399 тыс. до 329 тыс.), т. е. почти на 20%, а число студентов и слушателей сократилось за тот же период на 1500 человек — с 8955 до 7455 человек. При этом общее сокращение расходов «на содержание личного состава» из «специальных средств» составило около 90 тыс. рублей (примерно с 240 до 150 тыс.), что связано с установленным контролем министерства за «специальными средствами» и ростом ассигнований на хозяйственную часть (см.: Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1909 г. / под ред. и.д. ординарного проф. А. И. Введенского. СПб., 1910. С. 44–46, 300; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1910 г. ... С. 71–74, 338; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. ... С. 39–44, 245; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1912 г. / под ред. ординарного проф. Ф. И. Щербатского. СПб., 1913. С. 41–45, 182–183; Протокол заседания Совета СПб. Университета. 30 января 1912 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1912 г. СПб., 1914. С. 5–6, 7–42).

¹²² Протокол заседания Совета СПб. университета. 31 января 1911 г. С. 50; Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 2 февраля 1911 г. ... С. 68.

¹²³ См. ответ Университетского совета на отказ Л. А. Кассо восстановить отчисленных студентов: Протокол заседания Совета СПб. Университета. 12 сентября 1911 г. С. 145–147.

¹²⁴ 337 восстановленных и 112 допущенных к экзаменам экстерном [Список студентов исключенных, обратно принятых и допущенных к испытанию в качестве экстернов] // РГИА Ф. 733. Оп. 201. Д. 206. Л. 182.

¹²⁵ *Борисенко М. В.* Студенчество Петербурга в 1907–1914 гг. ... Приложение II... С. 10.

своей оппозиционностью (провокационно звучала уже сама тема работы «Рабочий класс во Франции в эпоху революции»), прошедшего 24 апреля 1911 г., приведенное в литературе. Согласно газетному отчету «аудитория продолжительными аплодисментами приветствовала диссертанта»; власть отреагировала на мероприятие по своему: «с утра еще задолго до начала диспута на университетский двор был приведен значительный отряд полиции. Другой наряд дежурил в одной из комнат при главном подъезде»¹²⁶.

Несмотря на совместные усилия профессуры и полиции достигнутое успокоение студенчества также можно считать весьма относительным. По данным М. В. Борисенко, с 5 февраля и до конца учебного года в стенах университета произошло по крайней мере еще 12 акций революционного характера (сходки, распространение листовок антиправительственного содержания и т. п.).¹²⁷ В числе акций подобного рода было чествование памяти казненного Д. Г. Богрова¹²⁸, годовщины смерти Л. Н. Толстого¹²⁹, годовщины самоубийства Е. С. Сазонова¹³⁰.

В начале осени 1911 г. министр наносит Совету еще несколько бюрократических «уколов». Прежде всего он удовлетворяет с опозданием прошения об отставке сначала проректора И. Д. Андреева (26 августа)¹³¹, а затем и ректора Д. Д. Гримма (12 сентября)¹³². Эти ходатайства были поданы в разгар февральских событий, и, по видимому, их авторы были готовы впоследствии дезавуировать свои просьбы об отставке по просьбе Совета¹³³, однако такой возможно-

¹²⁶ Цит. по: Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле... С. 16.

¹²⁷ Борисенко М. В. Студенчество Петербурга в 1907–1914 гг. ... Приложение III. ... С. 76–84.

¹²⁸ Тов. министра внутренних дел — министру народного просвещения Л. А. Кассо, 26 сентября 1911 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 207. Д. 336. Л. 14–15.

¹²⁹ Тов. министра внутренних дел — министру народного просвещения, 27 ноября 1911 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 207. Д. 336. Л. 24–24об.

¹³⁰ Там же. Л. 39.

¹³¹ Протокол заседания Совета СПб. Университета. 12 сентября 1911 г. С. 140.

¹³² Протокол заседания Совета СПб. университета. 3 октября 1911 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. ... С. 160.

¹³³ Протокол заседания Совета СПб. университета. 2 февраля 1911 г. С. 68; Протокол заседания Совета СПб. университета. 16 мая 1911 г. С. 109. Ср.: В высших учебных заведениях // Речь. 1911. 3 (16 февраля). № 33. С. 3.

сти министерство администрации университета не предоставило. В начале сентября министерство также уведомляет Совет о переводе из Петербурга в Юрьев с «повышением» (из должности экстраординарного в должность ординарного профессора) М. Я. Пергамента. История с М. Я. Пергаментом, который, как, по-видимому, и ожидало министерство, отказался переезжать в Юрьев и уволился со службы, вызвала нескрываемое и единодушное возмущение корпорации (включая как левых, так и правых профессоров), которая приняла единогласное ходатайство о возвращении М. Я. Пергамента в столичный университет¹³⁴, каковое, разумеется, было проигнорировано министерством.

Отставка И. Д. Андреева и Д. Д. Гримма заставила университетскую «левую» предпринять в октябре 1911 г. поиск новых кадровых комбинаций, который, однако, дался ей нелегко. Протоколы Совета лишь отчасти маскируют очевидное соперничество за пост ректора, которое развернулось между двумя лидерами «левой» — В. М. Шимкевичем и А. Е. Фаворским — в результате оба они, оказавшись поочередно выбранными, от должности ректора отказались¹³⁵. В итоге «левой» пришлось вернуться к своим старым административным кадрам. 26 октября 1911 г. на должность ректора был избран профессор Э. Д. Гримм¹³⁶, успевший с мая 1910 г. «отдохнуть» от административных обязанностей (до этого Э. Д. Гримм занимал пост проректора, с которого ушел в знак протеста против политики А. Н. Шварца), а проректором 7 ноября был избран его товарищ по факультету С. А. Жебелев¹³⁷. Решение университетского Совета,

¹³⁴ Протокол заседания Совета СПб. университета. 12 сентября 1911 г. С. 141–143.

¹³⁵ См.: Протокол заседания Совета СПб. университета. 3 октября 1911 г. С. 159–162; Протокол заседания Совета СПб. университета. 10 октября 1911 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. ... С. 163–166; Протокол заседания Совета СПб. университета. 17 октября 1911 г. // Там же. С. 167–169; Протокол заседания Совета СПб. университета. 20 октября 1911 г. // Там же. С. 171; Протокол заседания Совета СПб. университета. 24 октября 1911 г. // Там же. С. 209.

¹³⁶ Протокол заседания Совета СПб. университета. 24 октября. С. 211–212.

¹³⁷ Протокол заседания Совета СПб. университета. 7 ноября 1911 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. ... С. 214. Примечательно, что С. А. Жебелев принял назначение с рядом условий, первым из которых было то, что «он не будет иметь никакого дела ни с министром Кассо, ни с его товарищами, особенно Таубе, рожи которого он

в очередной раз назначившего на руководящие посты членов кадетской партии (при этом ректором представителя фамилии Гримм), вряд ли могло порадовать Л. А. Кассо. Однако не утвердить решение профессорского Совета министр не решился, несмотря на то что сразу после выборов Э. Д. Гримма в университете беспрепятственно прошли очередные революционные сходки, организованные университетской фракцией социал-демократов, связанные с годовщиной смерти Л. Н. Толстого¹³⁸.

Причина этого утверждения, по-видимому, заключалась не столько в том, что Л. А. Кассо «боялся» профессоров, сколько в том, что министр понимал — с этим составом Университетского совета бесполезно ждать избрания ректором благоприятной для правительства кандидатуры. Поэтому Л. А. Кассо пытается исподволь поменять соотношение сил в Совете путем перевода в Петербургский университет консервативных профессоров из провинциальных высших учебных заведений и перевода петербургских либералов в провинцию¹³⁹. «Пробным камнем» такой политики стал упомянутый выше «перевод» М. Я. Пергамента и переводы в ноябре 1911 г. на вакантную должность профессора финансового права из Харьковского университета Н. П. Мигулина (на место проф. И. Х. Озерова, «перемещенного» летом в Московский университет)¹⁴⁰, а в декабре на кафедру гражданского права (бывшая кафедра М. Я. Пергамента) — В. А. Удинцева из университета св. Владимира в Киеве.¹⁴¹ Подобные решения министерства для профессорской корпорации столичного университета были тем более неприемлемы, что являлись здесь (в отличие от других российских университетов) за долгое время первыми такого рода акциями — до 1911 г. назначений в коллегия столичного университета практически не практиковалось. В январе 1912 г.

видеть не может» (см.: *Толстой И. И. Дневник. 1906–1917.* С. 384; ср.: *Ананьич Б. В. И. И. Толстой и петербургское общество...* С. 101–103).

¹³⁸ См.: Протокол заседания Совета СПб. университета. 7 ноября 1911 г. С. 219–220; *Борисенко М. В. Студенчество Петербурга в 1907–1914 гг. ... Приложение III...* [Хроника]. С. 87, 88; *Мейлах Б. С. Уход и смерть Льва Толстого.* С. 337–339.

¹³⁹ Ср.: *Толстой И. И. Дневник. 1906–1917.* С. 416.

¹⁴⁰ Протокол заседания Совета СПб. университета. 22 ноября 1911 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. ... С. 224.

¹⁴¹ Протокол заседания Совета СПб. университета. 30 января 1912 г. С. 9.

в знак протеста против политики МНП с поста декана юридического факультета уходит А. И. Покровский¹⁴². Назначенные профессора сразу же подверглись бойкоту и обструкциям со стороны студентов, и большая часть занятий профессоров-назначенцев в весеннем полугодье 1911/1912 гг. оказалась попросту сорванной¹⁴³. Администрация университета формально предпринимала усилия для успокоения студентов (например, ректор публично призывал студентов к спокойствию)¹⁴⁴, но в то же время в начале марта профессорский дисциплинарный суд, избранный по списку «левой» фракции¹⁴⁵, признал студентов, задержанных полицией по обвинению в организации обструкции названным профессорам, невиновными¹⁴⁶. При этом назначенные профессора сознательно ставились ректором в условия, когда им сначала запрещалось читать лекции только для записанных студентов (что создавало условия для обструкции)¹⁴⁷, а затем предписывалось читать лекции в специальной аудитории вне университета (в здании коллегии Александра II) под охраной полиции, что делало их положение в университете униженным¹⁴⁸. Одновременно

¹⁴² *Маковский А. Л.* Выпавшее звено // Покровский А. И. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 14.

¹⁴³ Протокол заседания Совета СПб. университета. 30 января 1912 г. С. 9–10; Протокол заседания Совета СПб. университета. 12 марта 1912 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1912 г. ... С. 50–51. О бойкоте назначенных Л. А. Кассо профессоров в российских университетах см., напр.: *Круглова З. С.* Студенческое движение в годы нового революционного подъема. 1910–1914: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1965. С. 17–18. См. также: Переписка о студенческих сходках и о лекциях профессоров университета // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 46. Л. 10–10об.

¹⁴⁴ См.: *Скандал на лекции профессора П. П. Мигулина* // Русское слово. 1912. 24 января. См. также: Переписка о студенческих сходках...; *Толстой И. И.* Дневник. 1906–1917. С. 398.

¹⁴⁵ В это время членами «профессорского суда» были профессора В. В. Бартольд, Л. А. Чугаев, Л. И. Петражицкий, В. Н. Бенешевич, председательствовал в суде профессор А. Е. Фаворский (см.: Протокол заседания Совета СПб. университета. 7 ноября 1911 г. С. 216).

¹⁴⁶ Протокол заседания Профессорского дисциплинарного суда Императорского С.-Петербургского университета. 1912. Марта 3 дня // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 47. Л. 6–7об.; Протокол заседания Совета СПб. университета. 12 марта 1912 г. С. 52.

¹⁴⁷ См. переписку ректора с профессором В. А. Удинцевым (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 46. Л. 7–8).

¹⁴⁸ См. переписку ректора с профессором В. М. Грибовским (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 46. Л. 9–12)

университет начинает судебное дело против министра в Сенате, оспаривая право его контроля над приват-доцентским преподаванием (чуть ли не первый случай в российской истории, когда подведомственное учреждение оспаривало в судебном порядке решение главы ведомства)¹⁴⁹.

Не ослабевала и гражданская активность членов корпорации. В качестве иллюстрации деятельности университетской «левой» на «общественном фронте» осенью 1911 г. можно, например, указать на ее массовое участие и в организации протеста либеральной интеллигенции против новой версии «кровавого навета», реанимированной организаторами «дела Бейлиса». Под письмом «К русскому обществу. По поводу кровавого навета на евреев», составленном В. Г. Короленко и опубликованном в конце ноября 1911 г. в кадетской «Речи», стоят подписи ректора Э. Д. Гримма и многих членов корпорации: М. М. Ковалевского, А. В. Васильева, Д. Д. Гримма, И. Д. Андреева, А. Жижиленко, Л. Петражицкого, И. А. Покровского, С. К. Булича, И. М. Гревса, Н. И. Кареева, И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, Ф. Ф. Зелинского, Н. О. Лосского, ряда других профессоров и приват-доцентов¹⁵⁰.

Тем не менее, на первый взгляд, определенных результатов Л. А. Кассо все же удалось добиться — позиции «левой» в университете пошатнулись. В связи с этим нужно прежде всего отметить ликвидацию к концу 1911 г. явочным порядком Советской комиссии, которая одновременно служила и «опорой» ректора, и организационной структурой, контролирующей его действия со стороны либеральной профессуры. Фактическое исчезновение Советской комиссии произошло в заседании профессорского Совета 7 ноября 1911 г. Один из университетских «консерваторов» профессор философии А. И. Введенский выступил с предложением об упразднении Комиссии по образцу Московского университета. Возражая А. И. Введенскому, Э. Д. и Д. Д. Гримм «указали на полную необходимость сохранения Советской комиссии, которая, как показал опыт предшествующих лет, в случае обострения университетской жизни оказывала существеннейшую помощь ректору». После этих возражений А. И. Введенский взял свое предложение назад, но «высказал пожелание, чтобы избрание членов Советской комиссии покоилось

¹⁴⁹ См.: Ростовцев Е. А. «Борьба за автономию»... Р. 115–117.

¹⁵⁰ Речь. 1911. 30 ноября (13 декабря). № 329. С. 2.

на начале пропорциональности и известная часть членов Совета избрала бы в означенную Комиссию своего представителя». В результате дискуссии Совет согласился «выборы членов Советской Комиссии отложить и просить проф. А. И. Введенского составить проект осуществления предлагаемого им избрания членов Советской комиссии и разослать его всем членам Совета для предварительного перед следующим заседанием ознакомления»¹⁵¹. Однако ни в следующем заседании, ни в дальнейшем вопрос о Советской комиссии не обсуждался. Для А. И. Введенского и его сторонников составление проекта «представительства» было технически трудно, а для «левой» Комиссия она виделась как «единодушный» «политический» орган. Э. Д. Гримм теперь, будучи более независимым от того «кадетского комитета», каким на деле и была Советская комиссия, имел возможность проводить более центристскую политику и, главное, успешно избегать резкой риторики в общении с властью. В то же время на «ослабление» кадетского влияния можно посмотреть и с другой точки зрения: кризис сделал профессорскую коллегию более сплоченной — политические разногласия между консерваторами и либералами отступили на второй план перед угрозой корпоративной автономии. В связи с этим характерна бурная радость в семье того же профессора С. Ф. Платонова (представителя так называемой консервативной профессуры), возникшая при слухах об отставке Л. А. Кассо¹⁵². При этом нет сомнений в том, что в целом «левая» по-прежнему контролировала профессорский Совет с точки зрения и стратегии, и кадровой политики. Кадровые перестановки, сделанные на юридическом факультете, в целом на соотношение голосов в Совете не повлияли, тем более что и в годы «реакции» 1911–1913 гг. Совет пополнялся либеральными профессорами (например, такими как византинист В. Н. Бенешевич и синолог А. И. Иванов).

Приведенные наблюдения показывают, что истоки кризиса 1911 г. лежат не только (и не столько) в стремлении МНП искоренить революционную крамолу в стенах высших учебных заведений

¹⁵¹ Протокол заседания Совета СПб. университета. 7 ноября 1911 г. С. 215–216.

¹⁵² См.: Дневник Н. Н. Платоновой. 1 февраля [1914 г.] // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5694. Л. 1.

и ограничить автономию университетов, но и в самом существе выбранной профессорской коллегией бескомпромиссной стратегии, направленной на защиту корпоративных интересов и важных для нее ценностей и том языке, на котором она была способна говорить с властью. В отличие от своего предшественника Л. А. Кассо не ставил изначально утопической задачи установления правительственного контроля за университетами, что вызывало резкую критику правых.

Компромиссная стратегия Л. А. Кассо, по существу заключалась в предложении разграничить власть в университете между преподавательской коллегией и МНП на принципах «самоуправления», а не «автономии», но была для профессуры неприемлемой, поскольку доминирующий в ее представлениях дискурс «автономного университета» просто не предполагал такой постановки вопроса. Допущение же элементов правительственного насилия по отношению к университетской жизни настолько противоречило представлениям профессуры об отношениях университета с обществом и властью, что сделало дальнейший конструктивный диалог коллегии с министерством попросту невозможным. Неслучайно, что в сознании профессоров (разных политических взглядов) господствует солидарное коллективное ощущение «разгрома» университета в 1911 г. при фактической неприкосновенности системы его коллегиального управления и кадрового состава. Опыт вынужденного «сотрудничества» в деле успокоения студентов нисколько не примирил министерство Л. А. Кассо с Петербургским университетом, — скорее, с уверенностью можно утверждать обратное — министерство и Университетский совет именно с этого момента стали непримиримыми врагами. Петербургские профессора не забыли и не простили унижения, которому они подверглись в ходе забастовки января–февраля 1911 г.

Надо отметить, что именно устоявшая в кризис коллегиальная система в сочетании с продуманной политикой выборной администрации университета помогла корпорации преодолеть кризис с наименьшими потерями для «автономии университета». После 1911 г. столичный университет объективно оказался во главе «университетской фронды» во всероссийском масштабе. В этом качестве уже с февраля 1912 г. Университет начинает подготовку «судебной атаки» против действий министра, а назначаемые министром профессора подвергаются корпоративному бойкоту. Другим следствием

сложившейся ситуации и политики Л. А. Кассо был резкий рост студенческого движения и его новая радикализация, активизация в его среде политического экстремизма, в том числе деятельности большевиков¹⁵³. Впрочем, профессорской коллегии, вновь и вновь оказавшейся между «министерством» и «революцией», в целом удалось благодаря приобретенному в год кризиса опыту провести «университетский корабль» почти неповрежденным через «годы реакции» и начать новый этап борьбы «за автономию» в эпоху «либерального» министра народного просвещения гр. П. Н. Игнатьева, согласившегося вести диалог с профессорами на их языке¹⁵⁴.

¹⁵³ См., напр.: *Борисенко М. В.* Студенчество Петербурга в 1907–1914 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984. С. 13; *Рогозин Н. И.* Работа петроградских большевиков среди студенческой молодежи в период нового революционного подъема и первой мировой империалистической войны (1910–февраль 1917 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1973. С. 11–14; *Олесич Н. Я.* В. И. Ленин и революционное студенчество... С. 189–202; *Завадский Н. Г.* Революционное студенчество Петербурга в 1907–1914: Проблемы взаимоотношений с политическими партиями России: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1991. С. 6.

¹⁵⁴ *Дмитриев А. Н.* Первая мировая война: университетские реформы и интернациональная трансформация российского академического сообщества // *Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны* / под ред. Э. И. Колчинского, Д. Байрау, Ю. А. Лайтус. СПб., 2007. С. 236–255; *Rostovcev E.* The Capital University in a Time of War. Saint Petersburg / Petrograd 1914–1917 // *Kollegen — Kommilitonen — Kämpfer. Europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg* / hrsg. von T. Maurer. Stuttgart, 2006. S. 177–188.